

ФИЛОСОФИЯ

УДК 340.113.1 + 340.115.3

В.В. Оглезнев, В.А. Суровцев

ОПРЕДЕЛЕНИЕ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: П. ХАКЕР *VERSUS* Г. ХАРТ

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-4664.2016.6) и Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Статья посвящена исследованию проблемы определимости правовых понятий в частности и оценке места теории определения в современной юриспруденции в целом. Представлены и проанализированы критические аргументы Питера Хакера против доминирующего в аналитической философии права подхода к определению правовых понятий Герберта Харта. Показано, что отказ от родовидовых определений в пользу контекстуальных определений Бентама и «объясняющих прояснений» Харта преждевременен и не обоснован.

Ключевые слова: определение; парафраз; контекст; аналитическая философия права; правовые понятия.

Определения в юридической науке, несомненно, занимают важное место. Они позволяют не просто раскрыть исчерпывающее репрезентативное содержание используемых в правотворческой и правоприменительной деятельности понятий, но рассматриваются прежде всего как официальное, аутентичное толкование понятий самим законодателем. Как верно отмечает Л.Ф. Апт, «этот вид языковых выражений должен адекватно раскрывать содержание того или иного понятия, включать в себя нормативные характеристики в концентрированной и обобщенной форме» [1. С. 3]. Совместно с нормами, имеющими прескриптивный характер, определения выполняют важную регулятивную функцию. В основе многочисленных и многообразных процедур формулирования и оперирования понятиями лежат современная логика и ее положения относительно логической природы, содержания и объема понятий, языковых форм и их выражений, правил формулирования определений понятий и т.д. И все же правотворческая и правоприменительная деятельности не могут ограничиться только использованием готовых и известных юридической науке логических принципов и методов. Необходимо, учитывая сложный и изменчивый характер общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, искать те методы определений, которые были бы максимально приспособлены к решению именно правовых задач.

Однако широкое распространение определений в системе отечественного законодательства вызывает достаточные сложности в правоприменении. Это объясняет большое значение, которое придают законодатели формулировке и введению в нормативные правовые акты определений [Там же. С. 4]. Определения здесь предназначены для того, чтобы уточнить содержание употребляемых в нормативных правовых актах терминов. Вместе с тем, если в современной юриспруденции в рамках теории юридической техники достаточно детально разработаны методы и правила, предъявляемые юридической наукой и практикой к процессу создания законов и иных нормативных правовых актов, которые основаны на логическом и лингвистическом анализе прескриптивного характера норм права, с определениями дело обстоит куда хуже. Логический и лингвистический анализ определений

практически (за редким исключением) не предпринимался в рамках современных исследований по теории и философии права. Основанная проблема, которая здесь возникает, связана со специфическим характером юридических терминов, которые, по определению одного из ведущих современных философов права Герберта Харта, имеют «открытую текстуру», т.е. становятся недоопределенными в пограничных (нестандартных) случаях употребления [2. С. 237]. Определение правовых понятий имеет специфический характер и отличается от определений как в точных, так и в гуманитарных науках. В частности, недостаточная проработка и игнорирование специфики определений правовых понятий приводят к тому, что в рамках законодательства очень часто встречаются такие распространенные логические ошибки, связанные с формулировкой определений, как тавтологичность, круг в определении, определение неизвестного через неизвестное, отсутствие в определении специфических признаков правового понятия, позволяющих отличить его от других понятий.

Проблема определимости основных правовых понятий всегда находилась в центре внимания правоведов, для разрешения которой зачастую привлекалась методология, выходящая за рамки теоретической юриспруденции. Наиболее плодотворными в этом отношении оказались исследования аналитической философии языка первой половины XX в., где доказывалось, что «вместо традиционного осуществления философского анализа путем определения понятий аналитический подход ориентирует на соответствующее использование языка» [3. С. 9]. В это время многие философы начали проявлять пристальный интерес к темам, имеющим особое значение для юриспруденции, потому что правовая система с ее изобилием понятий и методами их разъяснения представляла собой ту испытательную площадку, на которой можно было проверить, уточнить и обосновать определенные философские аргументы [4. С. 14]. В частности, понятие «правило» и логические особенности выражений, требующих или использующих правила, часто были центральными темами философских дискуссий. Такие аналитические философы, как Л. Витгенштейн, Г. Райл, П. Стросон, Э. Энском, П. Гич и др., доволь-

но детально исследовали понятие «действие». Результаты их работы оказались значимыми для прояснения «намерения», «мотива» и «ответственности» – понятий, часто используемых в теории и философии уголовного права. Новый анализ функций имен и дескрипций Г. Фреге и Б. Рассела оказался релевантным юридическим проблемам, имеющим отношение к толкованию права, в то же время открытие того, что одно высказывание или правило может относиться к другому высказыванию или правилу многими различными способами, могло бы обеспечить основание для улучшенного понимания как структуры, так и взаимосвязи правовых систем и отношений между правовыми и моральными нормами. Наконец, интерес к таким типам аргументации, которые, как в морали и праве, могут быть разумными, не будучи при этом последовательными, и к таким способам рассуждений, в которых применяются понятия, не поддающиеся строгим определениям, но имеющие «открытую текстуру», содействовал избавлению от представления, что понятие аргументации полностью исчерпывается дедуктивным доказательством [5. С. 184–185]. Таким образом, тщательное определение ключевых понятий, выявление семантических оттенков естественного языка и стремление к логической прозрачности рассуждений не могли не сказаться на трансформации методологии права.

Г. Харт был одним из первых, кто посвятил свое творчество внимательному исследованию проблемы определимости правовых понятий, в частности анализу места теории определения в современной юриспруденции в целом. Хорошо разбираясь в основных философских проблемах, Харт «вдохнул новую жизнь в юриспруденцию, переориентировав ее таким образом, что основные свойства аналитической философии второй половины двадцатого столетия, такие как строгость рациональной аргументации, понятность и ясность, внимание к тонким концептуальным различиям и чувствительность к языку и его логике, стали применимы к исследованию фундаментальных правовых проблем» [6. С. 267]. Первые попытки оценить значение определения для юридической науки и актуализировать проблемы, связанные с поиском подходящей техники определения правовых понятий, обнаруживаются в иннаугурационной лекции Харта по случаю его избрания профессором юриспруденции Оксфордского университета, опубликованной под названием «Определение и теория в юриспруденции» [7]. Эта работа вызвала серьезный исследовательский интерес, поскольку она не только провозгласила появление нового направления в юриспруденции – аналитической философии права, но значительно видоизменила ее предметную область – впервые во главу угла стали ставиться не споры о природе правовых институтов, но споры о семантике тех выражений, в которых данные институты описываются [5. С. 193].

В «Определении и теории в юриспруденции» Харт как бы возрождает аргументы И. Бентама относительно определения основных правовых понятий, во многом изменяя и улучшая их. Согласно Бентаму, «единственным методом для разъяснения слов “обязанность”, “субъективное право”, “вещное право” и дру-

гих терминов того же рода, в изобилии представленных в этике и юриспруденции, посредством которого может быть передано любое правило, является метод *парафразы*» [8. С. 233]. Этот метод применяется следующим образом: «Можно сказать, что слово разъясняется через парафраз, когда не одно это слово переводится в другие слова, но некоторое целостное предложение, частью которого является данное слово, переводится в другое предложение. Слова этого другого предложения становятся ясными или более простыми чем ранее. <...> Короче говоря, это единственный метод, с помощью которого любые абстрактные термины могут быть, в конечном счете, разъяснены для любой разумной цели» [Там же].

Как и Бентам, Харт подвергает сомнению эффективность применения традиционного метода определения *per genus et differentiam* таких правовых понятий, как «субъективное право», «ответственность», «государство», в силу того, что эти понятия чрезвычайно абстрактны: «...юридические понятия совершенно иные; их отношение к фактам намного более сложно, опосредованно и нуждается в прояснении. Обычные методы определения приводят к тому, что в результате они искажаются и мистифицируются» [9. С. 147]. Сам Бентам так объясняет эти сложности: «Общий метод определения – метод *per genus et differentiam*, как его называют логики, во многих случаях вообще не будет отвечать указанной цели. Среди абстрактных терминов мы вскоре обнаруживаем такие, которые не имеют *наиболее высшего рода*. Ясно, что мы не сможем ничего добиться, применяя к ним определение *per genus et differentiam*, которое следует либо прекратить, либо развернуть его, так сказать, на себя» [8. С. 233]. Иными словами, техника определения через род и видовое отличие не может использоваться для прояснения правовых понятий, поскольку она не учитывает их своеобразие. Это связано с тем, что юридические выражения не имеют непосредственной связи с аналогами в мире фактов, которая есть у большинства обычных слов, а обычные слова не эквивалентны выражениям, употребляемым в юриспруденции.

Поскольку традиционный способ определения плохо приспособлен к праву, Харт предлагает «технику, которая должна предшествовать бесперспективному проекту выяснения того, что означают или подразумевают слова, взятые изолированно, и должна заменить его характеристикой функции, которую осуществляют эти слова, когда они используются в работе правовой системы» [9. С. 147]. Вслед за Бентамом он утверждает, что правовые понятия следует описывать не одной короткой фразой, включающей слова-синонимы (вроде словарных определений), но тремя или четырьмя предложениями, ибо «юриспруденция должна обеспечить именно более ясный обзор или свод тех особенностей юридических понятий, которые отличают их от обычных, относительно хорошо понятых типов понятий, и четко показать их отличительный способ функционирования» [Там же. С. 162]. Несмотря на явную симпатию методологии, предложенной Бентамом, Харт, тем не менее, не использует парафраз, вместо него он вводит новый метод определения правовых понятий – «объясняющее

прояснение» (*explanatory elucidation*). Важнейшим его принципом является утверждение, что юридические термины могут быть прояснены только рассмотрением условий, при которых высказывания, где они используются характерным для них образом, являются истинными. Харт определяет предложение, в котором встречается озадачивающий нормативный предикат перечислением условий, при которых такое предложение (или сентенциальная формула типа «*X* имеет право») было бы истинным.

Однако замена родовидового аналитического определения на метод, в котором учитываются условия истинности (*a truth-conditional definition*), оказалась небесспорной, напротив, это утверждение Харта подверглось весьма серьезной и даже резкой критике [10–14]. Весьма интересные и оригинальные критические замечания по этому поводу высказал современный аналитический философ Питер Хакер, который утверждает, что и позиция Бентама, и аргументы Харта против определения *per genus et differentiam* безосновательны: «Нет никаких причин считать, что перефразировка определения или определение, основанное на условиях истинности, единственно приспособлены для определения фундаментальных правовых или нормативных понятий» [15. С. 347]. Интерес к анализу позиции П. Хакера объясняется не только тем, что он выдвигает весьма изощренные контраргументы, но прежде всего тем, что он стремится оспорить утверждение, что метод определения Харта является чуть ли не единственно приспособленным для правовых понятий. По его мнению, критика Хартом, а в равной степени и Бентамом, традиционного определения безосновательна и сама открыта существенной критике. Хакер выдвигает несколько аргументов, демонстрирующих, что отказ от родовидового определения преждевремен и не обоснован. Рассмотрим некоторые из них.

Как было показано выше, Харт, разделяя основной тезис Бентама, что бесполезно давать определение правовым понятиям через род и видовое отличие, утверждает, что традиционная форма определения помещает смутное понятие в рамки известного класса, каковым является род. Но этого совершенно недостаточно, если озадачивающим является сам род. И если такое происходит, то это только вводит в заблуждение и ничего не проясняет. Традиционная форма определения, по утверждению Харта, вводит в заблуждение, поскольку предполагает, что то, что на самом деле является отклоняющейся от нормы категорией, так или иначе представляет собой некоторый вид сходства, и, когда применяется к терминам вроде «субъективное право», предполагает, что подобные слова обозначают или описывают определенную вещь, человека, качество, процесс или событие. А это ничего не проясняет, поскольку способ определения, нацеленный на то, чтобы поместить подчиненный вид в рамки известной категории, сам не может прояснить характеристики категории, если она отклоняется от нормы [Там же. С. 344].

Разработанный Хартом метод определения осуществляется следующим образом [7. С. 49]. Рассматривая предложение типа «*X* имеет право», он прежде всего устанавливает условия, при которых оно было

бы истинным, а именно: (а) существует правовая система, (b) согласно правилам которой некое лицо *Y* в сложившихся обстоятельствах обязано совершить некоторое действие или воздержаться от него, (с) эта обязанность находится в правовой зависимости от выбора или *X*, или какого-то другого лица, уполномоченного действовать от его имени, и при этом *Y* обязан совершить некоторое действие или воздержаться от него, только если в этом состоит выбор *X* (или какого-то уполномоченного лица) или, наоборот, пока *X* (или это уполномоченное лицо) не выберет обратное. Затем к этому определению Харт добавляет вторую часть, а именно, что высказывания формы «*X* имеет право» используются для того, чтобы получить юридическое заключение.

Однако Хакер утверждает, что замена родовидового аналитического определения на метод, в котором учитываются условия истинности, неудовлетворительна по следующим причинам. Во-первых, везде, где родовой термин при традиционном способе определения, разрабатываемого при разъяснении «субъективного права», известен и понятен, он зависит от воспринимающего этот термин, с одной стороны, и от общего объяснения в касающейся его теории – с другой. Философ, создавая общую теорию, например теорию норм или теорию правовых систем, определенно частью своей задачи видит прояснение большинства общих категорий, на которых должны быть основаны все другие термины этой теории. Поэтому, заключает Хакер, может случиться так, что он будет предлагать свои определения «субъективных прав», «обязательств», «правомочий» и т.д. только после того, как он определит и объяснит род (например, действия, подпадающие под нормы; правомерные действия и т.д.), с точки зрения которого он определяет эти понятия. В этом случае тезис о том, что бесполезно предъявлять традиционное определение к правовым понятиям, совершенно не работает. Поскольку ни одна разрабатываемая теория не может позволить оставить необъясненными понятия, которые могут навредить полноте ее структуры. Определения здесь выступают результатом, а не исходным пунктом аргументации.

Во-вторых, Хакер считает, что из утверждения, что слова вроде «субъективное право», «обязательство», «правомочие», «свобода», «государство», «юридическое лицо» и т.п. можно понять только в контексте норм, и того, что они определяют отношения или ситуации, которые создаются посредством существования и применимости норм, совсем не следует, что эту идею нельзя приспособить к традиционной форме определения. Слова вроде «любовь», «страх», «гнев» также не обозначают «вещи» простым способом. Но разве они не допускают аналитического определения? Разумеется, подобного рода определения переживаний не могут служить основанием, на котором в дальнейшем строится теоретическое исследование. Скорее наоборот, анализ переживаний подобного рода в рамках некоторой теоретической системы, например психологии, дополненный анализом сложившейся семантики описывающих эти переживания выражений, может привести как к выявлению

их специфических признаков (*differentia*), так и подведению их под общий род (*genus*). В этом случае определения будут выступать результатом теоретического исследования и потом вполне могут использоваться в практической работе психолога.

В-третьих, Харт утверждает, что аналитическое определение фундаментальных правовых понятий должно предполагать, что слова «обозначают или описывают некоторую вещь, личность, качество, процесс или событие». Но являются ли эти категории, предположительно представляющие собой родовые понятия обычного аналитического определения, известными и не вызывающими проблем? Разве понятие личности, события или качества не нуждаются в философском прояснении? Но если предположить, что это так, тогда получается, что, с точки зрения Харта, недозволены все определения через род и видовое отличие, а это фактически приводит к *reductio ad absurdum*.

В-четвертых, по мнению Хакера, аргументы Харта базируются на том сомнительном допущении, что родовый термин, присутствующий в определяющей части, не просто так же смутен, как смутно определяемое понятие, но смутен в том же самом смысле. Если с первой частью допущения Харта можно согласиться, то вторая часть вызывает некоторые сомнения. Если бы это было так, то невозможными бы оказались вообще никакие родовидовые определения. Однако это не так. Вполне может случиться, что понятие рода представляется более ясным или более разъясненным в рамках общей теории, возможно даже путем использования метода проясняющих определений самого Харта или контекстуальных определений в стиле Бентама. Тогда этот термин может использоваться для формулировки родовидовых определений, поскольку он, возможно оставаясь некоторым образом смутным, смутен совершенно не в том же смысле, как смутен определяемый термин.

В-пятых, даже если совершенно отказаться от родовидовых определений в пользу контекстуальных и проясняющих, все равно остается важная проблема. Проясняющие определения Харта помимо понятий, требующих определения, все же содержат другие термины, используемые при формулировке условий проясняющего определения. Как быть с ними? Ведь они могут быть смутными в той же степени, как и определяемый термин, для прояснения которого они предназначены. Но если смутные термины допустимы в проясняющих определениях, то почему бы их не допустить и в родовидовых? Причем проясняющие определения этих смутных терминов будут столь же бесполезны, как и дополнительные определения все более общих родов в системе родовидовых определений, поскольку точно также будут уходить в бесконечность. Так как для смутных понятий в проясняющем определении понадобятся свои проясняющие определения, которые также могут содержать смутные понятия и т.д.

В-шестых, Харт утверждает, что предложение «*A* имеет право» является «закключительной частью простого правового вычисления: оно фиксирует результат и вполне может быть названо юридическим заключением» [7. С. 43]. Такие высказывания могут

рассматриваться как заключение силлогизма, большая посылка которого есть соответствующая норма права, а меньшая посылка утверждает, что *A* подпадает под эту норму. Но *только в этом смысле* – в смысле, что эти факты входят в условия истинности «*A* имеет право». Ибо ни одно высказывание *по существу* не является заключением силлогизма. То же самое высказывание вполне могло бы быть большей посылкой некоторого другого доказательства. Первая часть определения Харта, основанного на условиях истинности, уже определяет, что существование правовой нормы соответствующего вида, которая применяется к *A*, является истинностным условием «*A* имеет право». Следовательно, вторая часть этого определения избыточна.

Эти критические аргументы позволяют Хакеру продемонстрировать, что определение Харта без значительного ущерба представимо в традиционной форме аналитического определения. Вот как это возможно: допустим, что субъективное право состоит из двух правомочий, одно из них – право отменять юридическую обязанность, второе – право требовать исполнения юридической обязанности. Общий род, к которому относится субъективное право, представляет собой конъюнкцию правомочий, и он отличается от других конъюнкций правомочий, поскольку имеет другую природу. Иными словами, определение, основанное на условиях истинности, можно трансформировать в традиционное определение, в котором эти условия истинности сохраняются [15. С. 347]. Схожую мысль, но применительно к подходу Бентама, высказал Р. Бирмингем, который считал, что утверждение Бентама («субъективное право – это отношение между человеком и вещью») выглядит так, как будто он определяет «субъективное право» через *per genus et differentiam*, а именно: «субъективное право – это отношение (*genus*) человека к вещи (*differentia*)» [12. С. 784, 795].

Получается, что нет никаких причин считать, что перефразировка определения или определение, основанное на условиях истинности, единственно приспособлены для определения фундаментальных правовых или нормативных понятий. Они могут быть правомерными методами точно так же, как определение через род и видовое отличие. Просто являясь другими методами определения, одни из них для определенных задач более полезны, чем другие [16. С. 239–240]. При формулировании определений в различных теориях и рассуждениях нередко возникают вопросы о том, правильны ли предлагаемые определения понятий, почему одно определение следует принять, а другое – отбросить, почему данное определение нуждается в обобщении, в силу каких оснований одно правильное определение должно рассматриваться в качестве более эффективного, чем другое правильное определение, почему к одним определениям применяются одни требования строгости, а к другим – иные и т.д. [17. С. 3–4]. Все эти проблемы обнаруживаются и в юридической науке, от успешного решения которых зависят, в конечном счете, качество и эффективность правотворческой и правоприменительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апт Л.Ф. Дефиниции и право. М.: Академия, 2008.
2. Оглезнев В.В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 237–244.
3. Аналитическая философия / под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. М.: Изд-во РУДН, 2006.
4. Hall J. Analytic Philosophy and Jurisprudence // *Ethics*. 1966. Vol. 77, № 1. P. 14–28.
5. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 178–193.
6. Sugarman D. Hart Interviewed: H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman // *Journal of Law and Society*. 2005. Vol. 32, № 2. P. 267–293.
7. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence // *Law Quarterly Review*. 1954. Vol. 70. P. 37–60.
8. Bentham J. A Fragment on Government. Oxford: Clarendon Press, 1891.
9. Харт Г.Л.А. Философия и язык права / пер. с англ.; под ред. В.В. Оглезнева, В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2017.
10. Auerbach C. On Professor H. L. A. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence // *Journal of Legal Education*. 1956. Vol. 9, № 1. P. 39–51.
11. Bayles M.D. Hart's Legal Philosophy: An Examination. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1992.
12. Birmingham R. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again // *Connecticut Law Review*. 1984. Vol. 16. P. 775–801.
13. Bodenheimer E. Modern Analytical Jurisprudence and the Limits of Its Usefulness // *University of Pennsylvania Law Review*. 1956. Vol. 104. P. 1080–1086.
14. Cohen J., Hart H.L.A. Symposium: Theory and Definition in Jurisprudence // *Aristotelian Society*. 1955. Supplementary Vol. 29. P. 213–264.
15. Hacker P. Definition in Jurisprudence // *The Philosophical Quarterly* 1969. Vol. 19, № 77. P. 343–347.
16. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение per genus proximum et differentiam specificam и юридический язык // *Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2015. № 2 (9). С. 228–240.
17. Горский Д.П. Определение (Логико-методологические проблемы). М.: Мысль, 1974.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 июля 2017 г.

DEFINITION IN ANALYTICAL LEGAL PHILOSOPHY: P. HACKER VERSUS H. HART

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 421, 36–40.

DOI: 10.17223/15617793/421/5

Vitaly V. Ogleznev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Valeriy A. Surovtsev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: surovtssev1964@mail.ru

Keywords: definition; paraphrasis; context; analytical legal philosophy; legal concept.

The article deals with the study of the problem of the definability of fundamental legal concepts, in particular, and the evaluation of the place of the theory of definition in modern jurisprudence, as a whole. The critical arguments of Peter Hacker against the dominant in analytical legal philosophy approach to the definition of the legal concepts of Herbert Hart are presented and analyzed. In his article “Definition and Theory in Jurisprudence” Herbert Hart revived Bentham’s arguments with respect to the definition of a legal term ‘claim-right’. He believed that the traditional mode of definition (*per genus et differentiam*) is poorly adapted to law. From the point of view of method, Hart does not use *paraphrasis* as Bentham did, but introduces a *truth-conditional definition*. Like Bentham, Hart defines not a word in isolation, but a sentence in which a puzzling normative predicate appears. He defines it by enumerating the conditions under which such a sentence (or sentential formula such as ‘X has a right’) would be true. He introduces a new method of defining legal concepts – “explanatory elucidation”. However, a replacement of the analytical definition by a truth-conditional definition turned out to be non-controversial. Quite interesting and original criticism in this case was made by Peter Hacker who argues that both Bentham’s position and Hart’s arguments against the definition of *per genus et differentiam* are invalid, since there is no reason to think that paraphrastic definition or truth-conditional definition are uniquely suited to the definition of fundamental legal or normative concepts. The interest in the analysis of Hacker’s position is explained not only by the fact that he puts forward very sophisticated counterarguments, but primarily by the fact that he seeks to challenge the assertion that the Hart method is almost the only one suitable for legal concepts. In his opinion, Hart’s views are, like Bentham’s, open to substantial criticisms. Thus, the rejection of analytical definition in favor of contextual definitions by Bentham and explanatory elucidations by Hart is premature and not justified.

REFERENCES

1. Apt, L.F. (2008) *Definitii i pravo* [Definitions and law]. Moscow: Akademiya.
2. Ogleznev, V.V. (2016) “Open texture” of legal language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (34). pp. 237–244. (In Russian).
3. Lebedev, M.V. & Chernyak, A.Z. (eds) (2006) *Analiticheskaya filosofiya* [Analytical philosophy]. Moscow: RUDN.
4. Hall, J. (1966) Analytic Philosophy and Jurisprudence. *Ethics*. 77:1. pp. 14–28.
5. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2015) *Analiticheskaya filosofiya prava: yuridicheskiy yazyk kak predmet issledovaniya* [Analytical philosophy of law: the legal language as the subject of research]. *Pravovedenie*. 5 (322). pp. 178–193.
6. Sugarman, D. (2005) Hart Interviewed: H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman. *Journal of Law and Society*. 32:2. pp. 267–293.
7. Hart, H.L.A. (1954) Definition and Theory in Jurisprudence. *Law Quarterly Review*. 70. pp. 37–60.
8. Bentham, J. (1891) *A Fragment on Government*. Oxford: Clarendon Press.
9. Hart, H.L.A. (2017) *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and language of law]. Translated from English. Moscow: Kanon+.
10. Auerbach, C. (1956) On Professor H.L.A. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence. *Journal of Legal Education*. 9:1. pp. 39–51.
11. Bayles, M.D. (1992) *Hart's Legal Philosophy: An Examination*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
12. Birmingham, R. (1984) Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again. *Connecticut Law Review*. 16. pp. 775–801.
13. Bodenheimer, E. (1956) Modern Analytical Jurisprudence and the Limits of Its Usefulness. *University of Pennsylvania Law Review*. 104. pp. 1080–1086.
14. Cohen, J. & Hart, H.L.A. (1955) Symposium: Theory and Definition in Jurisprudence. *Aristotelian Society*. Supplementary Vol. 29. pp. 213–264.
15. Hacker, P. (1969) Definition in Jurisprudence. *The Philosophical Quarterly*. 19:77. pp. 343–347.
16. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2015) *Opredelenie per genus proximum et differentiam specificam i yuridicheskiy yazyk* [Definition of per genus proximum et differentiam specificam and legal language]. *Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 2 (9). pp. 228–240.
17. Gorskiy, D.P. (1974) *Opredelenie (Logiko-metodologicheskie problemy)* [Definition (Logical-methodological problems)]. Moscow: Mysl'.

Received: 14 July 2017